

Золотой карасик

36

из будущей книги

РЫБАЛКА в наше время было делом поголовным. Не было у нас мальчишки, не державшего в руках удочки, а то и какой-либо рыболовной сети. Рыбачили обычно на Волге, Казанке, выезжали на Мёшу, на Свягу, добирались порой и до Камы. Огромное озеро Кабан посреди города, да и Булак, протока между ним и Казанкой, оставались как-то в стороне от нас, пробавлялись там в основном местные – появился часок свободного времени, вышел со двора, закинул удочку и наловил коту гостинец.

Мы же рыбачили обстоятельно, с подготовкой, с марш-бросками на место охоты. Рыбалка – это та же охота. Правда без ружей, стрельбы и собак. Рыбная ловля требует тишины и спокойствия. Если и азарта, то какого-то особого, уравновешенного. Рыбаки – люди негромкие, рассудочные, восприимчивые к природе, влекомые тишиной рек и озёр, пленённые туманами и рассветами над ними. И все они начинали с детства, кто-то привёл их впервые на уединённый берег рано поутру и показал, как настраивать поплавков и грузило, как насаживать на крючок червя, как забрасывать удочку... И всё, теперь на всю жизнь эта охота, что пуще неволи!

Меня взял с собой на первую мою рыбалку мой старший брат. Сколько мне было тогда – не помню. Знаю только, что был я чрезвычайно мал, поскольку повёз он меня на Волгу, усадив перед собой на раму велосипеда.

О предстоящем походе брат объявил заранее, за пару дней. А накануне, ближе к вечеру, сказал, что спать надо ложиться пораньше, так как подъём будет засветло.

Летом он обыкновенно ночевал в сколоченном недавно сарае, где

устроил себе просторный топчан. Нередко я просился к нему, и он соглашался, а тут, когда спозаранку надо было стартовать в дальнюю дорогу, конечно же, остался на ночь в его резиденции.

Первая моя рыбалка запомнилась мне и тем, что уснуть в ту ночь, хотя и лёг пораньше, не смог. Так волновало меня предстоящее событие. Перед самым подъёмом в голове всё ещё роились какие-то мысли, сменяли друг друга какие-то видения – то ли сон, то ли нет. А тут и брат вместо будильника зазвенел велосипедным звончком.

– Подъём, кто спит, того побьём!

Когда велосипед наш набрал крейсерскую скорость, в пепельном небе ещё мерцали звёзды. Они словно подмигивали нам: счастливого пути, вас ждёт Волга, простор, вся жизнь!

Дороги пустынные, встречный ветер что-то шепчет непонятное, но бодрящее. Подо мной велосипедная рама с привязанными к ней удочками. Удобно было – неудобно, не помню этих частностей. Помню только ощущение полного счастья.

За лесоперевалочной базой в районе нефтебазы, когда мы подъехали, прибрежные травы были сплошь покрыты жемчужной росой. Бусинки её летели из-под велосипедного колеса в стороны, а некоторые нет-нет да и разбивались о наши лица.

Остановились мы у самой воды большого затона, забитого плотами. Им, перевязанным то пучками, то ровными площадями, не было ни конца ни краю, будто кто-то решил вымостить брёвнами всю реку. Теперь ни на Волге, ни на Каме лесосплава нет. А тогда...

Мы запрыгали по брёвнам в поисках благоприятного места для нашего генерального ужения. Пока доскакали

до вольной воды, упарились. Зато пристанище, присмотренное братом на краю выдвинутого в сторону стремнины плота, показалось нам превосходным. Оттуда открывался вид на всю Волгу, и просветлённая к концу мая вода плескалась у ног.

Было совсем светло, природа томилась в ожидании застрявшего за горизонтом солнца, душисто пахло свежей речной сыростью и рыбой.

– Самое то! – говорил сдержанным голосом брат, озирая речной простор и разматывая удочки. – Знаешь, чем отличается понятие «рыбачить», от «рыбу ловить»?

– Одно и то же, – отвечал я.

– Не-е... Рыбачить – это ещё не означает что-то поймать. Можно целый день с удочкой просидеть на берегу и ни с чем домой вернуться.

Я в долгу не остался:

– Можно ловить, но не поймать.

– И то верно, – рассмеялся брат.

– Но мы, Фоат-абый, без улова не вернёмся? – не то спросил, не то взмолился я.

– Нет, конечно! – заверил он, протянул мне налаженную удочку с червячком на крючке, показал, куда закидывать, проследил и, как заправский рыбак, поплевав сухо на ладони, стал настраивать свои закидушки. Воткнул две палки между брёвен, которые должны были послужить сторожками, оснастил их, как положено, нацепил колокольчики, и рыбалка у него поехала: он брал лесу с крючками и червями на них и грузом с кормушкой на конце, раскачивал и забрасывал подальше в воду; после закидушек принимал в руки бамбуковое удилище, бережно запускал оснастку уже не так далеко в тихую воду, превращаясь разом весь во внимание.

Наконец-то из-за горы брёвен на берегу выглянуло солнце. Вода заблестела, всё ожило, замелькали над затоном береговые ласточки, на мой поплавок из гусяного пера села стрекоза. Не клевало. Я потянул удочку, хотел согнать наглое насекомое и проверить червя, как рядом вдруг брат отложил своё

удилище, быстро схватил сторожку, вырвавшуюся из щели меж брёвен, и стал выбирать из воды лесу. Добыча выпорхнула из отражённых в воде облаков, точно какая-то шальная птица. Сорвалась с крючка, заплясала по брёвнам, уж и водица рядом... Брат изловчился, поймал было сверкающую на солнце рыбу, но она выскользнула из рук, и тогда он схватил финский нож, лежавший рядом, и с размаху пригвоздил её к плоту. (Эту раритетную финку с истлевшей деревянно-кожаной рукояткой отдал ему по какому-то случаю наш учёный сосед Сергей Николаевич, рождённый ещё до Первой мировой войны. Брат выточил новую металлическую ручку, насадил её на оголённый остов и стал пользоваться финским раритетом и в быту, и на природе.)

Я наблюдал за необыкновенным представлением на нашем плоту, открыв рот и позабыв о своём поплавке.

– Линь это, – пояснил брат.

Под остриём финки была не такая крупная рыба, как показалось сперва, с поджарыми по весне боками, но всё равно солидная, отливающая по всей чешуе золотом.

– Чуть не слинял линёк-то, – опомнившись, заметил я.

– А-а!.. – произнёс он неопределённо, что означало «ничего особенного». Он не рисовался, не перед кем было, да и не в его характере. На любой рыбалке, при любой поклёвке он думал о царь-рыбе. Он был рыбак по своей сути. Замечу, уже в двадцать семь лет по возвращении из Бийска, где работал по направлению после химико-технологического института, его назначили главным механиком и замом гендиректора производственного объединения «Татгаз», и далее по жизни он держал марку профессионала высшей марки. Но рыбалка в судьбе моего брата занимала особое место. Это была страсть, любовь, ещё что-то не совсем для всех понятное и не менее равнозначное делу инженера-технолога.

Помню, я ещё совсем птенец-опёрыш, зима на дворе, моя мама высажи-

вает из большой русской печи румяные эчпочмаки, жарко в общей кухне, запашисто. По какому поводу праздник, не так важно, главное – для всех, всем домом будем угощаться.

А он на рыбалку собирается...

Зимняя рыбалка у нас в городе тогда по большому счёту только-только зарождалась. Толчком к новой страсти горожан послужило перекрытие русла Волги плотинной Куйбышевской ГЭС, когда река разлилась вдруг морем-океаном, а вертлявая Казанка превратилась у города в, можно сказать, водохранилище.

– Куда ж ты, сынок? – удивляется мама. – Пирогі готовы.

– Червей надо накопать, пока светло.

– Какие зимой черви?

– Обыкновенные, просто они сейчас глубже сидят.

– Покушай сначала.

– Потом.

Он нахлобучивает отцову шапку-ушанку, защёлкивает на телогрейке ремень со звездой на бляхе и – вперёд.

Червей мы обычно копали на Ямках, как мы называли огромный разветвлённый овраг недалеко от школы. Там, на верхотуре меж ложбинами, окрестные жители и картошку сажали, там же на одном из склонов и свалку мусора организовали, а подальше, за поворотом, на Дальних Ямках темнело озеро, на котором устраивались преславнейшие морские бои: весной на льдинах, летом, кто на чём мог – на самодельных лодках из автомобильных шин, плотках из пустых бочек и досок старого забора... Бывало, с какого-нибудь «крейсера» разом человек по десять в воду летело.

Зимой озеро превращалось в хоккейные площадки, а склоны Ямок – в раздолье «горнолыжников». Здесь и слалом крутили, и с трамплинов сигали, и на одной лыже с подрезанным задком такие кренделя выписывали – залюбуешься! А на заснеженной верхотуре, где летом картошка росла, проходили уроки физкультуры – бегали по большому кругу на лыжах.

В первозданном состоянии, не укатанной лыжами оставался только северный склон Ближних Ямок со свалкой под снегом. Туда и направился наш рыбак.

Холода стояли суровые. А может, и не очень. Всё-то мы склонны преувеличивать, что касается далёкого детства. Но сугробы уж точно были что надо, провалишься – с ручками уйдёшь!

Где могли быть хорошие, красивые черви? Конечно, на свалке. Будущий рыбак начал орудовать в том месте, где снежка навалило поменьше. Он большей частью собрался в своеобразный козырёк на лбу обрыва. Сначала работа под козырьком шла хорошо, а вот когда докопался до земли да взялся за ломик, да зазвенел он у него в руках, тогда, должно быть, вспомнил о пирогах и тёплой печке. Хотя не той он породы – упрямец. Искры летели из-под калёного металла. Не земля – бетон. Но всё же постепенно, нехотя, сантиметр за сантиметром она стала уступать. А когда на штыке лопаты шевельнулся долгожданный червячок, снежный козырёк рухнул. Снаружи от землекопа лишь отцовой шапки-ушанки завязочки бантиком остались. Иной бы там, пожалуй, так и застыл заживо погребённый. А он выбрался. И снова принялся за своё. И вернулся-таки с червями. Вялыми, правда, но живыми.

На следующий день рано утром, ёжась от холода в промёрзлых сенях, я пожелал ему большого рыбацкого успеха, и он растаял в полутьме и холодыге.

Он пошёл на Казанку, к бывшему Коровьему мосту, который, как говаривали, ветром шатало и по которому с Подлужной слободы на пастбище правого берега в оны годы коров перегоняли. Мост смыло, пастбище разливом затопило. Теперь тут полуторакилометровый мост Миллениум. А тогда вообще ничего не было.

Зимой там после затопления особенно хорошо клевало, уверяли опытные рыбаки. Дотуда с улицы Достоевского наш рыбак добрался через парк Горького пешком. Выбрал затянутую

ледком и слегка припорошенную лунку, намотал верёвку пешни на руку, взялся двумя руками за её деревянную ручку, стал долбить железным остриём. Ледок в лунке оказался слишком молодым, а верёвка гниловатой, и со второго удара пешня, булькнув, ушла под воду. В руке огрызок страховки, в лунке пузыри, попадёт, конечно, от отца, но что делать, не топиться же. Да и не получится на январском льду. Натянул шапку по брови, обнажил полутораметровое бамбуковое удилище, насадил полудохлого червя на крючок, утопил в студёной воде и, покусав замёрзшие пальцы, устался на поплавок, который покачался и замер в шуге. Он вычистил лунку, ледяная каша вновь завязавлась. Он опять, она – снова...

Как ни упрям был мой брат, мороз своё взял. Он поднял удочку с беспомощным поплавком, размышляя, что делать. Неподальёку чернела стайка рыбаков. Подошёл к ним. У них были странные, со школьную линейку, удилища с велосипедными ниппелями на концах, странная насадка – крошечные клюквенно-красные червячки. Старик-рыбак, выслушав паренька, посмеялся, дал клубочек мотыля, а вот лишнего удилища для зимней рыбалки у него не оказалось.

Но и этого было достаточно. Пареньк отложил свою несуразно длинную уду, подцепил жалом крючка сразу парочку крох-червячков, один конец лески намотал на палец, а другой с наживкой опустил в свежую лунку. И пошла рыбалка! Палец, хоть и замёрз, но хорошо чувствовал поклёвку. Забились на льду окунь, сорожка... Он выдёргивал из тёмной воды рыбу одну за другой, словно необузданный клёв и непрерывный лёт рыбы из-под льда были для него привычным делом. Вскоре вокруг юного счастливищика собрались разрозненные до этого рыбаки и стали бурить в надежде на подобное счастье новые лунки, окружать рыбное место кольцом...

Но вернёмся с январского льда на майские плоты.

Пока я взирал на первый успех брата с линьком, у меня у самого кто-то там под толщей воды пожаловал на завтрак.

Первым, конечно, узрел это брат:

– У тебя же клюёт!

И точно, стрекозы не было, а поплавок мой из гусиного пера с покрашенным в красное верхним концом то резко нырял, то зазывно выскакивал, то опять исчезал, пока совсем не ушёл под воду.

– Подсекай же!

Легко сказать... Я потянул уду что есть силы... Там на другом конце, глубоко под водой какая-то живая сила отчаянно сопротивлялась моему желанию извлечь её на белый свет. Она повела лесу то сначала вправо, то потом влево, а я всё тяну, задирая дугой согнутое удилище всё выше и выше. Наконец рыбина проявляет свои очертания у самой кромки плота и попадает в сетку.

Это Фоат-абый своим самодельным сачком умело сачит, переносит на брёвна сияющую солнцем добычу и поясняет:

– Карась на сей раз, братец! Нехилый, скажу, грамм на двести потянет.

– Как и твой, – говорю, трогая золото чешуи моего рыбацкого первенца, – золотистый.

– Так они же оба из одной семьи, – поясняет он, – семейства карповых. Но твой крупнее. – С этими словами сажает карася на кулан и опускает в воду. (Линёк у него отдельно в пакете.)

– Даже разглядеть не дал, – обижаюсь.

– Так надёжнее, не убежит.

– Понятно, но поглядеть-то хоть можно?

Я приподнимаю лесу с первой в своей жизни пойманной рыбой.

– Красивый карась. И правда ведь, золотой!

Брат рассказывает, что караси бывают разные:

– Серебристые, жёлтые, как у нас, юные, взрослые... Некоторые из них, старожилы озёрные, могут достигать пяти кило и длиной до полуметра.

– Такие и при щуке могут спокойно дремать!

– Да, но если честно, таких больших карасей не видал я в своей жизни ни разу, слышал только.

– У Пушкина золотая рыбка, наверное, как наш карась, была, – не унимаюсь я.

Брат возражает:

– Золотая рыбка-то у него морская, а не озёрно-речная. Кстати, сюжет о ней Пушкин у братьев Гримм позаимствовал, и речь там у них шла о камбале, опять-таки рыбе морской.

Я не хочу соглашаться. Какая ещё камбала? Вот она настоящая золотая, передо мной! Возвращаю кукан со своим карасём водной прохладе. Некоторое время наблюдаю за ним. Пленённая рыба стоит в пронизанной солнечными лучами воде, лишь поводит лениво плавниками, я, наконец, беру свою удочку, и рыбалка наша продолжается.

Зимой она, отвлекусь немного, совсем другая. Помнится, в том же году я пошёл с братом и на первое своё зимнее ужение рыбы, как называл рыбалку Аксаков, хотя на зимнее ужение, по его же признанию, он ни разу не выбирался. Исключительно летний был рыбак, включая весну и осень.

Мы поехали опять в район нефтебазы. Но не на велосипеде, разумеется. Туда ходил автобус, я даже номер маршрута помню – десятый. Встали мы затемно, безлюдная улица встретила нас лёгким снежком, долго стояли на пустынной остановке. Но рыбацкая страсть обуревала не только меня с братом. Скоро остановка пополнилась подобными же нам страждущими в валенках, тулупах, ушанках с рыбацкими ящиками на полозьях, которые служили и ларцами со снастями, и санками, и сиделищами на льду у лунок. В отличие от их ящиков, у брата было нечто похожее на металлический бачок для противогАЗа, который болтался у немецких солдат Второй мировой на поясном ремне за спиной, только из деревянных реек и заметно большего размера. Приспособленьце, замечу, не совсем то – на него не сядешь, волоком не потащишь, зато сам смастерил. По неопытности.

Нет, всё-таки пешню брат утопил не в том своём первом походе на рыбалку, который я описал ранее, а как раз со мной. Я был тому свидетель. Бура у нас не было, и мы высматривали старые, заледенелые лунки для обработки их пешней. Вот нашли приемлемую.

Я спросил:

– А верёвку-то пешни зачем так сильно на руку наматываешь? Неудобно же будет колоть.

Он ответил:

– Для страховки, чтоб инструмент не утонул, если вдруг выскользнет из рук.

– Вот смотри. – Он обвил верёвкой ладонь крепко-накрепко и стал долбить ледовую пробку в лунке. С какого-то по счёту удара ледок не выдержал, пешня с треском провалилась под лёд, будто её и не было. Только бельевая верёвка в руках осталась. Памятное получилось событие. Ну да ладно.

У зимней рыбалки своя прелесть. Тут как-то ближе чувствуешь себя ко всему процессу, к воде, к рыбе... Ведь не надо куда-то забрасывать удочку. Вот она, лунка, рядом, вот она, короткая зимняя удочка с ниппелем на конце, вот она, леска с грузилом и мормышкой с червячком и тут же вода! Задёргался ниппель, заплесал – тащи свою рыбу. Лишь бы в лунку полезла! Шучу, конечно. Но в мыслях у мальчишки эти фантастические опасения, не скрою, всё-таки в голове витали. Какой рыбак не мечтает о большой рыбе!

В тот день, по моим наивным меркам, наловили мы немало. Был и судачок, был и окунь, но большей частью – сорожка, серебристая, с красными плавниками, симпатичная, не очень большая рыбка, которую в других местах называют то сорогой, то плотвой. У меня только она и брала. Штук пять вытащил. Ну ладно – две. Для первого раза, скажу, не так уж плохо!

На льду в тот день мы пробыли довольно долго. Перекусили насквозь промёрзшими эчпочмаками, запивая остывшим в термосе чаем. И утром перед дорогой толком не позавтракали. На обратном пути в автобусе меня

стало укачивать. Я терпел, пытался отвлечь себя видами удачной рыбалки, глубоко дышать – то носом, то ртом, разевая его, как пойманная рыба, ничего не помогало. Дотерпел всё-таки до своей остановки. Вот она улица, свежий сумеречный воздух, но на полпути к дому, около фармацевтического училища мне стало совсем плохо, закружилась голова, так, что чуть не потерял сознание, и меня вытошнило в сугроб. В те времена сугробы на улицах были выше человеческого роста. Это я к слову, для пейзажного отвлечения. Вдобавок к отвлечению: у фармучилища было огромное круглое окно с паутиной рамок, с несколькими овальными форточками – просто чудо зодчества, да и само здание напоминало больше сказочный теремок, чем просто домик, пусть и старинный, в ряду слободской улицы. Теперь ни сугробов, ни теремка.

Дурнота, стоявшая у горла, моментально прошла, голова перестала кружиться, и мы бодро потопали домой. Мама, открывшая нам дверь, ничего подозрительного не заметила. Я вывалил мёрзлую рыбу в жестяную ванночку, в которой меня младенцем купали, и рыбки постепенно оживали и начинали плавать. Подробно я рассказывал о них маме, а она только восклицала: «Как же вы поздно, я уж вся изволновалась!»

На то пошло, так расскажу ещё об одной зимней рыбалке, точнее, уже весенней. Конец марта, Казанка за поворотом вверх по течению от города, на льду большие лужи, но желающих испытать прочность ледового покрова немало. И мы тут с братом наводим шорох, таскаем подлещиков, окунишек, а рыбацкая братва вокруг лишь поглядывает на нас и почёсывает затылки.

Вдруг у брата заклевало что-то серьёзное. Он подсёк, как полагается, стал выбирать лесу, а добыча – мечта рыбака! – не проходит в лунку. Брат и так, и сяк... И вдруг вылезает наружу нечто чёрное и волосатое. Я даже испугался – речной дьявол какой-то! Оказалось, большая речная крыса, она сразу вцепилась зубами в ботинок охотника.

Кое-как стряхнул он её и накрыл сачком. Сбежался народ. Пошли суды-пересуды, как и на что поймал?

– На мотыля, – смеялся брат.

На самом деле, мормышка зацепила зверя за бок, потому и в лунку сразу не полез. Рыбаки определили, что это ондатра. И не такая она чёрная была – с рыжецей и даже симпатичная, то ли на хомяка, то ли на бобра похожая. Один попросил продать её, да что уж там, бесплатно брат необычную добычу отдал. И попросил толпу побыстрее разойтись – провалиться же можно, лёд-то уж не такой прочный на излёте марта. Сколько печальных случаев было!

Да, зимой рыбалка – дело серьёзное и опасное. Однако и летом бывает о-го-го. Таки быть, расскажу, ещё одну историю из моего рыбацкого прошлого.

Брат сказал:

– Поедем на Волгу. Генка предложил, у него в Победилове родственник живёт – дом прямо на берегу, лодка с зыбкой... Пoryбачим, как никогда.

Гена Коновалов – друг моего брата, из соседнего дома, чуть помладше его, но не скажешь – здоровяк, балагур, научил меня выбивать восьмёркой «Цыганочку» на гитаре. Кроме неё, больше ничего толком я и не освоил. Но это так, к слову.

Победилово... Это опять-таки в районе нефтебазы и опять-таки 10-й номер автобуса. Тронулись с вечера, у родственника Геннадия в деревне бросили якорь. Поужинали, сходили на берег. Волга к тому времени погрузилась уже во тьму, лишь лунная дорожка почти до другого берега говорила о её присутствии, даже водица у ног не всплеснёт. Тишина. Только в роще по соседству заливались трелями соловьи. Рано поутру взошли мы на большую лодку с готовой зыбкой – большим квадратом сетки на длинном шесте, торчащим над кормой под углом сорока градусов.

С рассветом Волга своего тихого нрава не изменила. Дружья сели за вёсла, чтобы побыстрее догрести до какой-то одному Геннадию известной заводи. Я устроился на корме и наблюдал то за

крутыми виражами серебристых чаек по пенистому следу нашего крейсера, то за гребцами. Всё-таки шли мы довольно быстро.

Брат поймал мой взгляд и сказал:

– Знатная лодка... настоящий баркас. Тяжеловато только грести.

Геннадий ответил:

– Зато устойчивая.

«Мы же не на море», – хотел заметить я, но не стал стревать.

Рыбалка началась таким образом: Геннадий Сергеевич остался на вёслах, грёб неспешно, а брат перебрался на корму, ко мне и барабану с ручками, с помощью которого управлялся спуск в воду и подъём зыбки.

Впечатление от ловли сетью совсем другое в отличие от ужения удочкой, донкой, закидушкой... Барабан не даёт ощущения непосредственного контакта с рыбой. Но всё равно улов радовал. При первом же подъёме зыбки в ней плясали две серебристые сорожки.

Бросили якорь, которым служил мешок с прибрежными камнями. С ним возился Геннадий, что-то ему не нравилось в дислокации нашего сейнера. Тем не менее рыбалка пошла живее. Сделала своё дело, наверное, и перловка для прикорма, опущенная за борт в мелкой сетке. Брат вращал барабан, а я доставал сачком улов. Большею частью шла сорога, попался довольно крупный судачок... Не сразу я узрел мелкого щурёнка, которого рыбаки называют карандашом и которого принято было отпускать, что я и сделал по совету брата.

Охоту нашу прервал Геннадий – позвал «к столу». На срединной лавке баркаса он организовал скатерть-самобранку – хлеб, масло, варёные яйца, вчерашние пирожки с картошкой и чай из термоса.

– Обедать будем свежей ущицей на берегу, – заверил он. – А пока чем богаты...

Мы стояли посреди заводи. С востока уже довольно высоко поднялось ясное солнышко, а на западе из-за крутого берега высунулись иссиня-чёрные, горбатые облака. Повеяло прохладой,

побежали лёгкие волны, покрытые пеной, будто рыбьей чешуёй.

– Надо сматываться, – оценил обстановку Фоат-абый.

– Может, мимо пройдёт? – предположил Геннадий.

– Нет, не пройдёт, – ответил брат. Он был опытнее, и авторитет его как бывалого рыбака был непререкаем. – Если уж и ветер поднялся...

В подтверждение его слов вспыхнула в облаках ветвистая молния, и покатылся по Волге во всю её ширь сухой, многоступенчатый гром.

Гена поднял якорь, брат – свой невод, в котором застрял ершистый окунь-горбыль, я еле-еле выцарапал его из сети металлическим ободком сачка. Мимо пронеслась моторная «Казанка». Нам тоже надо было поспешать.

Но наше судно – не лёгкий алюминий и без мотора, так просто не наберёшь скорость. Пока собрались, пока развернулись, закапало. Чёрное крыло облака накрыло нас, ветер усилился, две лошадиные силы спешно погребли против ветра и выросших волн. Не думал я, что наша Волга может быть такой разгневанной и страшной. С каждой минутой ветер превращался в шквальный, а волны – в штормовые. Признаюсь, мне не было боязно, а скорей всего, интересно, как ни странно. Лодка неимоверно задирала нос, взбираясь на кручи волн, и затем падала в бездну, хлопая днищем, как пушка при выстрелах. Но самое главное, зыбка стала надуваться парусом и тормозить. Как ни старались гребцы, судно наше сначала остановилось в движении, а затем пошло назад, то есть кормой вперёд. Парус неудержимо тянул нас по ветру и волнам, скоро мы оказались посреди Волги. Я, так сказать, кормчий, превратился вперёдсмотрящего на необычном носу лодки под парусом. Лодку заливало, а меня, накрепко обнявшего застопоренный барабан, обдавало водной картечью. Смотрю, брат бросил весло и пробирается ко мне. В руке его поблёскивает знаменитый финский нож, о котором я уже рассказывал.

– Держись, – прокричал он мне сквозь грохот бури и полоснул финкой по верёвке, протянутой от барабана через колесо переходника на конце шеста к зыбке. Сеть сорвалась с привязи и вместе с обрывком верёвки, под тяжестью металлической рамы пошла медленно ко дну.

Избавившись от паруса, богатырь Геннадий Сергеевич развернул лодку навстречу волнам и налёг на вёсла, а брат принялся вычерпывать ведром воду, которая была уже чуть ли не по колено.

Нас выбросило на каменисто-песчаную отмель противоположного берега. Как мне сейчас представляется, это было побережье вниз по течению Волги в районе посёлка Бахча-Сарай. Но тогда мы этого не знали. Перед нами лежала полоса отмели, а за ней поднималась крутая гора, вся в густой зелени и с твёрдокаменными залысинами в подножии. Парни выволокли лодку носом на сушу, и мы стали эвакуировать наши многочисленные пожитки. Когда в авральной обстановке под самой кручей была разбита палатка, непогода так же неожиданно, как и напала, вдруг унялась. Ветер стих, дождь перестал лить, тучи с приглушёнными громами скоро ушли на восток, освободив из плена солнце, которое сразу обласкало нас животворными лучами.

– Что же это было? – спросил Гена, озирая изменившиеся в мгновение ока и небо над головой, и водный простор...

Брат ответил вопросом на вопрос, шуточно так это:

– Где же твоя, Гена, обещанная ушица на обед?

– Будет к ужину – ответил он весело, приобняв друга. – И добавил: – А я думал, что уж до Каспия доберёмся. – Чувствовалось, у Геннадия Сергеевича с высадкой на берег отлегло от сердца. Взгляд синих глаз его просветлел, и блуждающая улыбка большого ребёнка не сходила с лица.

На растяжках палатки развесили вымокшие шмотки, собрали по берегу сучья, развели костёр. Да и с собой по-

лешки были, правда, сырые после дождика, но это для опытных рыбаков не проблема. Жизнь стала повеселее. Гена даже искупался на радостях, мало ему воды в лодке досталось!

Посидев вечером у костра, отведав наваристой ухи, завалились в палатку спать. А с утра нас приветствовали гудками белые пароходы, и мы не спеша тронулись домой.

События той рыбалки больше всего напрягли брата. Не о себе, как вы сами понимаете, было его переживание... Для меня же, чиграша, это стало просто интересным приключением, я не раз потом вспоминал о том путешествии под необычным парусом. При этом Фоат-брат только головой покачивал и произносил нечто вроде «было дело!» А однажды он всё-таки промолвил: «Чуть не утонули ведь!»

Однако вернёмся на плоты, на первую мою рыбалку. А может, не совсем первую. Но ярко запомнившуюся, точнее сказать, занявшую первоначальную страничку в моей рыбацкой памяти.

В тот день на плотях я больше ничего не поймал. Брат же посадил на два кукана с десяток рыбин, среди которых были и сазаны, и судаки, не считая окуней и сенчиков. Профи есть профи, что в хоккее, как я писал в предыдущем рассказе, что на рыбалке... У всех, казалось бы, по две руки, по две ноги, по одной голове одинаково, а вот именно профессионал своего дела и три шайбы забьёт в одной игре, и рыбу наловит больше всех, дилетант же, как правило, останется свидетелем, статистом, массовкой, человеком, отбывающим номер на поле жизни. Точнее, на поле той или иной жизнедеятельности. Не было у меня ни чувства зависти, ни обиды, я только радовался. Старший брат он и должен быть старшим – во всём. Более сильным, более мастеровитым, более опытным... Ничего, и мы подрастём и кой-чему научимся!

Солнце поднялось довольно высоко, стало припекать. Пора было собираться домой. Брат протянул мне

специальный мешок и сказал, чтобы я сложил пойманную рыбу. Я поднял из-под плота один за другим оба кука-на, наполнил спецтару. Последним на толстой леске оставалась моя золотая рыбка. Я и её снял с поводка, взял бережно в ладони, стал рассматривать, а она как взбрыкнёт! Так и выскользнула из рук и...

**Лишь по воде хвостом плеснула
И ушла в глубокое море.**

44

Не скрою, было обидно. Но с другой стороны, пусть плавает беспрепятственно на воле, пусть живёт мой карасик своей естественной жизнью в волжских просторных водах и не попадает ни щуке в зубы, ни на крючок рыбака.

На этом и рассказу моему, казалось бы, конец. Но...

Прошли годы, и я стал постепенно остывать к рыбалке. То ли из-за того, что отдалился от брата, то ли из-за того, что меня захватили дела, не дававшие возможность отвлекаться от главного, то ли возраст стал заставлять меня смотреть на всяческую охоту с неодобрением. С годами человек меняется, меняются и его воззрения на жизнь. Моё нетерпение всякого насилия, неприемлемость отъёма чьих-то жизней стало распространяться и на зверьё, и на птиц и даже на насекомых, не говоря уж о рыбах. Я и по телевизору стал плохо переносить кадры даже естественного в природе нападения хищников на мирных травоядных, не говоря уж о сценах людской охоты на животных, стал не переваривать сюжеты с промысловыми сетями, полными рыбёшек, бьющихся в предсмертной пляске. Порой вот кидаю взгляд на себя в зеркале и спрашиваю: я ли это некогда лихой и безоглядный?! И тотчас получаю беспристрастный ответ от своего внутреннего и вечного оппонента: «Да, тот самый ты и есть, только совсем другой, не такой, как раньше».

Недавно дочь Лия пригласила меня в гости к себе на Зимнюю Горку под Ка-

занью, вернее, на озёра в большой парковой полосе недалеко от её дома.

– В этих озёрах, – поведала дочь, – разводят разную рыбу. Здесь и карась, и карп, и осётр... Можно порыбалить, как ты любил раньше, и хорошо отдохнуть на свежем воздухе.

Я согласился. Прибыли мы туда всей большой нашей семьёй. Скажу прямо, на свете повидал я немало, но этот комплекс, где природа так органично сочеталась с цивилизацией, меня, закоренелого городского жителя, приятно удивил. Здесь и пруды (всё-таки пруды, а не озёра), обрамлённые тенистыми рошицами и шелковистыми травами, и уютные веранды по берегам, где можно отдохнуть и приготовить себе что-нибудь на огне, здесь и кафешки-ресторанчики в сторонке, и рыбацкие услуги – пожалуйста, тебе удочки, сачки на прокат, инструкторы на помощь. Благодать, особенно для начинающих – и снастят, и обучат, и помогут.

Первым отличился мой сын Искандер – вытащил довольно увесистую стерлядку. Замечу, в разных прудах этого комплекса – разные семейства рыб. Хочешь осётра или форель – рыбачь там, где Искандер; хочешь карпа или сазана – иди на второй пруд; а может, ты охоч до толстолобика или белого амура, то ступай на третий.

Мои гаврики разбрелись с удочками по берегам прудов. Дочь спросила:

– А ты что, папа, филонишь? Держи спиннинг!

– Да нет, – ответил я. – Позволь мне просто так погулять.

Я обошёл почти весь парк. Было начало лета, деревья оделись в молодую листву, трава пестрила васильками, ромашками, колокольчиками, по прудам плыли отражённые облака, всё вокруг пело, чирикало, жужжало... Благодать! И удочку в руки я так и не взял.

Собрались у зафрахтованной веранды, где я успел и чай попить, и подремать. Каждый показывал свой улов, я, как опытный рыбак, оценивал богатую добычу и прикидывал, хватит ли у меня денег расплатиться.

Что интересно, взрослая дочь моя, мать моей внучки-отроковицы, тоже, как и я, не выловила ни одной рыбки, поскольку тоже, как и я, не удила во все. Она с детства не могла видеть, как пойманная рыба разезает на суше беспомощно рот, как вырывают из её губы жало крючка. Для нормального человека, казалось бы, нет в этом ничего особенного, но всё же...

Но вот всё же есть на свете люди не как все, с каким-то отроду своим особым на происходящее вокруг себя взглядом, а есть, которые приходят к этому отличному от других особому взгляду через всё своё бытие на белом свете.

О чём только не передумал я в тот яркий, солнечный день на новых для меня берегах, в новой моей на старости лет жизни.

16 мая 2023 г.

Бату-хан

В СОЮЗ писателей на должность литконсультанта я перешёл работать из республиканской молодёжной газеты в 1982 году. В то время правление творческого союза находилось в Доме печати на улице Баумана, центральной улице Казани. Историческое здание. Здесь работал поэт-герой Муса Джалиль, другие личности, чьи имена сегодня носят улицы города. Естественно, не без трепета взошёл я по широкой мраморной лестнице на Парнас профессиональных литераторов Татарстана и сразу окупился в совсем непоэтические будни писательского сообщества.

За довольно короткий срок я перезнакомился почти со всеми членами СП. Это, в принципе, было несложно. Способствовала должность, да и всё-таки работал я до этого газетчиком, а кое-кто из писателей захаживал в гости и к моим родителям...

При первой встрече там, в Доме печати, отношений каких-то у нас сразу не завязалось, несмотря на то, что он хорошо знал моего отца, популярного иллюзиониста, с которым не раз бывал в качестве артиста разговорного жанра на гастролях. И домой он к нам захаживал, как свидетельствует

его журнальная статья о моём отце под названием «Наставник», но не моя память.

Заинтересовались друг другом мы с ним позже, когда правление Союза писателей переехало на улицу Комлева, ныне Муштары, в бывшую детскую клинику Лепского, а ещё ранее – особняк купца Оконишникова, утопавшего в зелени роскошного сада с фонтаном посередине, обнесённого самой красивой в городе оградой чебаксинской ковки. Но всё по порядку...

Рабит Батулла (Роберт Мухлисович Батуллин) в различных справочниках значится как писатель, драматург, общественный деятель, театральный режиссёр, педагог, публицист, сатирик... Я бы добавил – и актёр. Он ведь вместе с другим живым классиком Туфаном Миннуллиным окончил в 1961 году Высшее театральное училище им. М. С. Щепкина в Москве. По окончании оба были приняты в драмтеатры. Но с актёрством у них не задалось, и оба в итоге стали большими писателями. Да, пути людские и в самом деле неисповедимы.

И в особняке Союза писателей мы стали общаться только с 1989 года, когда был открыт и размещился в том зда-